

ОЛЕГ ЗИНЧЕНКО

**ГОРОД
ЭНТРОПИЯ В ЗАМКНУТОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

ДВЕ СТРАШНЫХ ПОВЕСТИ

Олег Зинченко

**Город. Энтропия в
замкнутом пространстве.
Две страшных повести**

«Издательские решения»

Зинченко О.

Город. Энтропия в замкнутом пространстве. Две страшных повести
/ О. Зинченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851235-3

Эти две повести сюжетно никак не связаны. Разве что обе они подвержены мистическим коллизиям, которые при прочтении оказываются до боли реальными. Правда, Осип из «Энтропии...», который вынужден читать чужие судьбы и страдает от этого то ли дара, то ли кары, вдруг становится в чём-то похож на всемогущего Власа из «Города», наделённого умением подчинять себе всё живое, но влачит существование раба... Книгу надо читать, чтобы увидеть, как между строк всплывает пророчество.

ISBN 978-5-44-851235-3

© Зинченко О.
© Издательские решения

Содержание

Город	6
I	10
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Город. Энтропия в замкнутом пространстве Две страшных повести

Олег Зинченко

Фотограф Олег Зинченко

© Олег Зинченко, 2017

© Олег Зинченко, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-1235-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город

Город.

В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её;
пожелают умереть, но смерть
убежит от них.
Откровение Иоанна Богослова,
глава 9, стих 6.

В кафе ко мне за столик подсел человек, чью внешность можно охарактеризовать лишь одним словом – странный. Посмотрев на меня, он вкрадчиво, озираясь по сторонам, чем ещё больше укрепил меня в своей странности, произнёс:

– Здравствуйте, мне рекомендовали вас как человека и журналиста, которого интересуют аномальные, таинственные явления...

– Здравствуйте, но, простите, с кем имею честь? – стараясь скрыть раздражение от такой бесцеремонности, спросил я.

– Это не важно, моё имя вам лучше не знать

– Но...

– Прошу вас, выслушайте меня! У нас очень мало времени.

– У нас? – попытался сыронизировать я, но моя реплика утонула в его скороговорке.

– Вы знаете, что такое диэтиламид лизергиновой кислоты?

Понимая, что мне «посчастливилось» иметь дело с сумасшедшим химиком, я решил более не перебарывать возникшее желание встать и уйти, но что-то, возможно – потерянное выражение его глаз, удержало меня на месте.

Тем временем, не обращая внимания на мою нервозность, странный химик продолжил свой ликбез:

– Не знаете? Тогда наверняка, он вам известен под названием ЛСД!

– Если вы о наркотике, то – безусловно, слышал.

– Тогда вы, наверное, слышали о биохимической лаборатории профессора Логачёва?

– Естественно слышал, но что это, чёрт вас дерит, за вечер вопросов и ответов?! – вскипел я, и жестом подозвав пробегающую мимо сексапильную официантку, заказал вместо остывшего кофе, два холодных пива, мне тоже нужно было остыть.

– Нет, не вечер вопросов и ответов. Просто мне необходимо знать степень вашей осведомлённости. Поэтому, последний вопрос – вы знаете, чем занимается эта лаборатория?

Сказав это, он наклонился через стол и заглянул мне в глаза. Не выдержав взгляда его серых, глубоко посаженных глаз, я переключился на лежащую передо мной пачку сигарет.

– Насколько я знаю, – медленно произнёс я, собираясь с мыслями, – они изучают грибковые паразиты, или что-то в этом роде.

– Вот! – почти завопил он, – Именно! – и тут же осёкшись и посмотрев по сторонам, продолжил, но уже шёпотом, – Они изучают ЛСД!

Принесли пиво. Он абсолютно бесцеремонно схватил один из бокалов, и жадно приложившись к нему, продолжил своё шептание:

– Но не это главное. Главное то, что в лаборатории профессора Логачёва, кроме производства или изучения ЛСД, это как вам будет угодно, производят эксперименты на людях, с целью пробуждения с помощью этого наркотика скрытых, аномальных способностей человека.

– Знаете что, господин не знаю как вас там, криминальные расследования не по моей части. С такими серьезными обвинениями вам лучше обратиться в прокуратуру. А я уже давно отошёл от таких дел, – спокойно, охлаждённый пивом, произнёс я, ожидая, что сейчас неизвестный начнет выкладывать передо мной кучу, так называемого компромата.

– А я ни кого не обвиняю, – неожиданно спокойно произнёс мой незванный собеседник, – просто мне необходимо передать кому-либо имеющуюся у меня информацию, а вы, так уж сложилось, вы сейчас единственный, кому я могу довериться. И прошу, не перебивайте меня, времени очень и очень мало!

– Ну, хорошо, говорите, я вас внимательно слушаю, – обречённо произнёс я, понимая, что только так я могу избавиться от этого одержимого типа.

– Итак, профессор Логачёв с помощью запрещённых средств активно воздействует на деятельность центральной нервной системы испытуемых и тем самым вскрывает непонятные, подчас опасные и отвратительные способности этих людей, если их можно так называть после подобных экспериментов. Поверьте, испытуемых много. Очень много. Про всех рассказывать нет времени, но по поводу одного из них я и пришёл к вам. Его исследуют уже более года и для профессора Логачёва он особенно ценен. Бесчеловечные эксперименты пробудили у этого несчастного потрясающие способности. Этот человек с абсолютной! точностью описывает события, которые произойдут в будущем! Эксперимент проходит так: под воздействием наркотика его погружают в транс и он описывает всё до мельчайших подробностей, из того, что видится ему в грёзах. Всё! До мельчайших подробностей! Поверьте!!! После того, как он выходит из транс, он в состоянии назвать точную дату, когда произойдёт описанное им событие. Иногда предсказанные события происходят с точностью до названного часа. Дальность видения, если так можно сказать, тем дальше, чем глубже транс, – на этой фразе он перешёл на еле слышный шёпот, – И, как следствие, и лабораторию, и этого несчастного, тут же взяли под контроль спецслужбы. А вы говорите – в прокуратуру.

Он отпил пиво и, опять оглядев внимательно кафе, продолжил рассказ. На удивление, но мне стало любопытно дослушать этот бред. Наверное, так благостно на меня подействовало пиво.

– Обычно этот испытуемый заглядывал на восемь, максимум – на десять дней вперёд. Но, чуть более двух месяцев назад, была предпринята попытка сверхглубокого погружения в транс. В ходе эксперимента всё шло хорошо. Однако лишь только он завершил изложение своих видений, то вместо пробуждения впал в коматозное состояние. В коме он находится до сих пор. Из-за этого дату описанных им событий установить невозможно. Но то, что он рассказал – это кошмар, апокалипсис! Это что-то, что вне понимания нормальных людей. Одно ясно, описанные им события произойдут, уж поверьте, он никогда не ошибался, и произойдут они здесь!

Незнакомец запустил руку за пазуху и извлёк оттуда объёмистый свёрток. Убрав его под стол, он сказал:

– Протяните руку под столом и возьмите свёрток.

«Наконец-то, вот он и компромат», – подумал я, решив для порядка повыпендриваться:

– Нет! Пока вы не скажете, что это, я свёрток не возьму.

– Здесь стенограмма последнего рассказа того несчастного, – после небольшой паузы проговорил он, – здесь описано, как бы ни было прискорбно, наше с вами будущее. Когда оно наступит – я не знаю, что делать с этими записями – я тоже не знаю. Хранить их у себя я более не могу. Просто возьмите и прочтите.

Я протянул руку и, взяв свёрток, убрал его свой портфель. Незнакомец облегчённо улыбнулся, как будто избавился от бомбы с часовым механизмом, которая может взорваться в любую минуту. Потянувшись к остаткам пива, он бросил беглый взгляд в сторону выхода и вдруг как-то резко переменялся в лице. Он немедленно встал и уже на ходу бросил:

– Прощайте!

А может, он крикнул: «Прочтите», – но шум кафе распорядился по-своему и я услышал то, что услышал. Быстро лавируя между столиками, мой странный собеседник исчез за дверью, ведущей в кухню. Почти сразу же в кафе вбежали два человека. Один из них направился следом за незнакомцем, а второй присел за мой столик:

– О чём вы говорили с этим человеком? – без обвиняков начал он, заслонив белый свет своим кирпичеподобным лицом.

– Бесцеремонность, характерная черта у власти стоящих. Осталось только узнать, где именно вы стоите. Не хотите представиться? – стараясь быть как можно более равнодушным и понимая, что влип в историю, спросил я.

Кирчичеподобный раздражённо достал удостоверение сотрудника ФСБ с фамилией, которую я, конечно же, не запомнил.

– Ну, так о чём вы с ним говорили? – нажимая на «о чём», спросил он.

– Вы, собственно, о ком? – с видом возмущенной добродетели спросил я.

– Хватит Ваньку ломать! Я вас пока ещё по-хорошему спрашиваю, о чём вы говорили с тем человеком, который только что сидел здесь за столиком?! – взорвался эфэсбэшник.

– Не надо нервничать, – как можно спокойнее постарался ответить я, – ни о чём мы с ним не говорили. Станный он какой-то. Подбежал, выпил моё пиво и убежал. Станный.

Эфэсбэшник уставился на меня так, как будто у него в глазах был рентгеновский аппарат. Я спокойно отсчитывал деньги согласно стремительно появившемуся счёту. Официантка, поняв, что запахло жареным и клиента могут увести под белые ручки, с видом беженки пересекшей линию фронта под свист пуль, втиснула этот счёт между мной и эфэсбэшником.

– Ну, смотри! – процедил, всё ещё глядя на меня, эфэсбэшник.

В этот момент подбежал его напарник:

– Ушёл, козёл, через чёрный ход.

– Ладно, пошли, – проговорил эфэсбэшник, обращаясь к напарнику, – А ты, – он вновь переключился на меня, – готовься к обстоятельной беседе, но уже не в кафе!

Они быстро вышли из кафе и сев, точнее впрыгнув, в подъехавший к входу автомобиль, растворились в потоке машин.

Придя домой, я переборол желание заглянуть в свёрток немедленно. На сегодня впечатлений было достаточно. Решено было заняться свёртком завтра. Но завтра закрутила рутина дел. Послезавтра повторилось то же самое. Эфэсбэшники на беседу не вызывали и свёрток успешно провалялся среди бумаг восемь дней, пока неожиданное событие не заставило о нём вспомнить.

Был вечер. По какому-то каналу показывали нудные местные новости, которые смотришь скорее по инерции, чем из желания узнать что-то новое. Вдруг, в криминальном блоке показали

то, что меня заинтересовало. На экране мелькали картинки улиц, привокзальной площади, вокзала, а диктор за кадром методично читала:

– Сегодня, в районе железнодорожного вокзала был найден труп мужчины с огнестрельными ранениями в голову...

После того, как были перечислены все приметы, на экране появилось изображение погибшего. Холод пробежал у меня по спине. Это был он, тот странный незнакомец из кафе, что передал мне свёрток и рассказал такую фантастическую историю! Я тут же достал свёрток, уже практически погребённый под ворохом бумаг, и сев за стол, развернул его. Из свёртка выпало несколько десятков исписанных мелким почерком листков бумаги. Разложив их перед собой и усевшись удобнее, я принялся читать: «Влас проснулся от запаха пыли и разогретого кирпича...»

I

Влас проснулся от запаха пыли и разогретого кирпича. Он лежал на полу в пустой комнате какого-то заброшенного дома. Несмотря на то, что окна были заколочены досками, свет пробивался через щели достаточно интенсивно, чтобы можно было понять, что день уже в самом разгаре.

«Голова почти не болит, – подумал Влас, – это неплохой знак. Бог даст, и день пройдёт без проблем».

Влас встал. Зевая и потягиваясь, поднимая с пола клубы пыли, он подошёл к окну и осторожно, через щели между досками, стал осматривать улицу. Дом, который он выбрал наугад вчера ночью, стоял на пригорке, благодаря чему Власу открылась обширная панорама на Город.

Город был низкорослым – два, три этажа. Окраина Города, которую лучше всего и наблюдал Влас, была заброшенной. Это было понятно по заколоченным окнам и разобранным крышам. Улицы были завалены битым кирпичом и кусками ржавого железа. Вдалеке, в серой глубине Города, наблюдались дымки, похоже, что там жили люди.

«Да, живописный городок, – вполголоса пробормотал Влас, отходя от окна, – и здесь наставнички постарались».

Влас поднял с пола свою не то синюю, не то чёрную телогрейку и, отряхнув её от пыли, стал проверять карманы. Из их недр он извлёк две продуктовые карточки на хлеб и жир, очень ценную вещь – спички, литер на проезд до Города и временный паспорт, срок действия которого истекал через сутки.

– Хорошо! Значит, до завтра я свободен! – сказал вслух Влас. Его не смущало отсутствие еды, табака и воды. Свобода, пусть и мнимая, была сейчас дороже плотских радостей.

– Свободен, – продолжил рассуждать Влас, – если только контролёры не поймают...

Всё, кроме спичек, он положил в нагрудный карман засаленной обесцвеченной временем рубахи. Спички же Влас упрятал глубоко в тряпичный вещмешок, туда же отправилась и телогрейка. Затем, подкрепившись остатками отрубного хлеба, он закинул вещмешок за плечи и с огромной осторожностью двинулся вглубь Города.

На улице припекало. В тени редких кустов щебетали воробьи, откуда-то издалека доносился ленивый лай собаки. Всё это создавало картину ещё большей заброшенности и пустоты. Проходя мимо одного из домов, Влас увидел осколок чудом сохранившегося оконного стекла. Он подошёл поближе и заглянул в этот осколок прошлой жизни. Оттуда на Власа смотрело измождённое, обветренное, покрытое морщинами лицо. Глубоко впавшие глаза не отражали ничего, кроме затаившегося в них страха. Вместо тридцатипятилетнего мужчины, на Власа уставился ссутулившийся старик с головой покрытой редкими волосами и гноящимися струпами. Влас уже несколько лет не видел своего отражения, а, увидев, понял, что это было самое глубокое разочарование сегодняшнего дня. В сердцах он ударил по осколку вещмешком. Стекло глухо звякнуло и утонуло в проёме окна.

Чем ближе Влас продвигался к центру Города, тем более отчётливо проступали следы обитания людей. На улицах стало меньше битого кирпича, но зато отчётливо стал слышен запах нечистот, а где нечистоты, там и люди. Правда, людей Влас ещё не видел и считал это для себя хорошим знаком.

«Что-то уж больно тихий город, – размышлял Влас, – Интересно, какой здесь режим? Если особый, то можно ожидать любой гадости».

Не успел Влас это подумать, как его слух привлёк звук приближающегося автомобиля.

«Контролёры!» – вихрем пронеслось в голове у Власа, и он стремглав бросился в ближайшую подворотню.

– Стоять, сука! – как взрыв грохнул над Власом усиленный громкоговорителем голос.

Согласно не единожды вбитой, в прямом и переносном смысле, во Власову голову инструкции, он встал как вкопанный, повернулся на окрик, заложил руки за голову, встал на колени, прижал подбородок к груди. С противоположной стороны дороги, из окна второго этажа полуразрушенного дома, на Власа смотрел человек в чёрной форме контролёра. В одной руке он держал мегафон, а в другой нечто, напоминающее пистолет с очень длинным стволом. Это было любимейшее оружие контролёров – электрошоковый хлыст. Однажды Власу довелось испытать его действие на себе – ощущение жуткое. Хлыст стрелял пластиковыми контейнерами, наносящими человеку минимальный вред, разве что ушибы, в крайнем случае – переломы. Но аккумулярованный в них электрический заряд, превращал любого человека в корчащееся от боли и брызжащее слюной и кровью существо. Так что, увидев хлыст в руке контролёра, Влас даже не попытался сдвинуться с места.

– Лежать, падла! – рявкнул контролёр, – морду в землю, руки в стороны ладонями кверху!

Влас покорно распластался в придорожной пыли.

– Надо же так по-глупому нарваться на контролёра, – сплёвывая песок, пробормотал Влас.

– А ну, заткнись! Гнида вонючая! – разошёлся контролёр, – Я тебе побубню, сучёнок!

В этот момент к ним подъехал изрядно потрёпанный, созданный ещё в те времена автофургон. Из машины вышли двое. Оба были в форме контролёров, но у одного была нашивка старшего контролёра, а у другого нашивка наставника. Через мгновение к ним подбежал запыхавшийся контролёр, тот самый, что задержал Власа, и вытянувшись по стойке смирно, доложил:

– Гражданин старший контролёр, это как раз тот, что вчера на КПП не отметился и где-то в развалинах спрятался, – и, ткнув для острастки Власа в бок ногой, продолжил свой доклад, – из-за него, суки, всю ночь здесь просидел. Ну, ничего, от меня не уйдёшь!

– Много говоришь, Вракин! – перебил говорившего старший контролёр, – А если бы он за ночь слинял? Что тогда? Пришлось бы тебя в поселенцы определять! – и, видя, что Вракин вот-вот грохнется в обморок от перспективы сменить мундир контролёра на робу поселенца, спокойно добавил, – да не дрожи ты, не ссы, будем считать, что ты молодец, промах исправил. Но впредь, смотри! Всё, собирай своих людей и бегом в казарму! Операции отбой!

– Есть, гражданин старший контролёр! – проорал Вракин и бегом бросился прочь, довольный, от макушки до пяток, тем, что всё обошлось.

Старший контролёр подошёл к Власу и, не говоря ни слова, выхватил электрошоковый хлыст, и выстрелил Власу в спину. Жуткая боль взорвала тело Власа, глаза закатились, изо рта потекла вязкая белая слюна. Сделав ещё несколько конвульсивных движений, Влас затих, казалось, что даже дыхание прекратилось.

Второй из присутствующих, с нашивкой наставника, подошёл к Власу и, убедившись, что он жив, сказал:

– А если бы ты убил его?

– Да и чёрт с ним!

– Что значит, чёрт с ним?! Тебе что, глаза промыть и уши прочистить?! В приказе ясно сказано – объект должен быть цел и невредим! И если ещё раз ты позволишь себе что-либо, не согласовав со мной, пеняй на себя! Я тебя уверяю, умолять будешь, чтобы тебя удавили. Ты понял?!

– Да ладно тебе, не ори ты так, ведь он жив. Так что чего теперь орать-то, – пробубнил, скорее для себя, чем для наставника, старший контролёр.

С этими словами он схватил Власа за шкуру и, приподняв от земли, забросил его в фургон машины. Затем он молча сел в кабину за руль, где его уже поджидал наставник и они поехали к центру Города.

Через полчаса тряски по разбитым улицам и проулкам, старший контролёр остановил машину у трёхэтажного кирпичного здания грязно-серого цвета. Над крышей здания развивался чёрный флаг с зелёным кругом в центре. Справа от входа висела массивная вывеска с надписью зелёным по чёрному: «Управление Контролёров Города при Совете Наставников Республики». Увидев прибывших, на крыльцо выбежал часовой и встал по стойке смирно.

– Стереги того, что в фургоне! – бросил на ходу старший контролёр и вслед за наставником проследовал в здание.

Пока они шли выкрашенными грязно-бурой краской коридорами, оба, как по команде, сняли фуражки и начали протирать лбы и шеи засаленными платками. День только начинался, а жара уже брала своё. Наконец они подошли к двери, на которой висели две таблички: «Старший контролёр Зуб А. И.» и «Представитель Совета Наставников, младший наставник Бадай Ф. П.»

Старший контролёр открыл дверь и, пропустив вперёд младшего наставника, вошёл в кабинет. Это была прямоугольная комната с одним запылённым окном в торце. Запылённым настолько, что свет еле пробивался через стёкла. Стены кабинета были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, а цвет пола вообще невозможно было определить в этом пропитанном пылью полумраке. Из интерьера в кабинете был огромный стальной сейф, два стола и по одному стулу возле них. На столах стояли обшарпанные армейские телефонные аппараты. Младший наставник Бадай Ф. П. сел за стол справа от входа, а старший контролёр Зуб А. И., расположился, соответственно, слева.

Бадай, расстёгивая китель и продолжая утирать пот, начал просматривать какие-то бумаги. Он предпочитал не смотреть перед собой. Вот уже два года он изо дня в день наблюдал одного и того же человека за соседним столом. Старшему контролёру Зубу было тридцать лет, правильные черты лица, отягощенные мешками и синяками от частых возлияний и бессонных ночей, на удивление гармонично сочетались с гориллоподобным строением тела и плотным, чёрным волосяным покровом. Собственно, Бадаю раздражала не фигура и волосы Зуба, а его постоянное желание подчеркнуть, что он здесь самостоятельный руководитель, делающий дело, а, дескать, ты, Бадай, непонятно для чего поставлен, и непонятно чем занимаешься.

Похожие чувства испытывал и Зуб к Бадаю. Управляя Городом, без малого, пять лет, практически со дня создания спецпоселения, ему было непонятно, для чего к нему приставили этого служаку. Ещё больше раздражало то, что ему, прошедшему через десятки боевых операций, приходится подчиняться этому необстрелянному юнцу. Собственно, насчёт юнца Зуб был не прав. Бадай был моложе Зуба всего на два года. Но при своём почти двухметровом росте, здоровой худобе, ухоженности правильного лица и безупречной стрижке русых волос, да ещё на фоне Зуба, Бадай выглядел значительно моложе своих лет.

– Бадай, по-моему, пора вскрыть конверт, – сказал Зуб, доставая из нагрудной кобуры пистолет и убирая его в верхний ящик стола.

Бадай, дочитав последнюю бумажку и продолжая вытирать пот со лба, отпер сейф и достал из него опечатанный сургучом пакет с надписью «Совершенно секретно».

– Похоже, ты прав, время пришло, – сказал Бадай и надорвал пакет.

Из пакета он достал папку так же опечатанную сургучом, с жирной надписью выполненной красными чернилами: «Влас Покровский, особая степень опасности!»

– Читать вслух, или ты сам прочтёшь? – спросил Бадай Зуба.

– Валяй вслух, – прокрихтел Зуб, стягивая с ноги сапог.

– Ну что ж, начнём.

Бадай достал из кармана пачку сигарет «Верный путь», вытряхнул оттуда сигарету, закурил, и, выпустив большое облако дыма, начал читать:

– Покровский Влас Дмитриевич родился... Ну это ладно, это всё мелочи, – он бегом пробежал глазами по строчкам, затем пролистнул страницу и сказал, – Вот! Вот оно, главное! – Бадай от удовольствия, как будто ему предстояла шикарная трапеза, начал потирать руки. – Слушай внимательно! В годы смуты ничем себя не проявил. Эти годы для изучения интереса не представляют. За полтора года до Великого Переворота, Покровский В. Д. попал в автомобильную катастрофу и получил сильнейшую черепно-мозговую травму, заключения медиков прилагаются. Долгое время лечился, но последствия травмы, сильнейше головные боли, не проходили, и он решил выписаться из клиники, прервав курс лечения. В тот день, когда произошёл Великий Переворот, Покровский В. Д. должен был покинуть клинику. Однако, исполняя приказ Тайного Совета Наставников, на территорию клиники вошёл отряд контролёров, с целью проверки находившихся там лиц на лояльность. Покровский В. Д., увидев вооружённых людей, обратился к ним с просьбой сложить оружие и покинуть клинику. Отборные бойцы, на подготовку которых ушло несколько лет, сложили оружие и, покинув клинику, отказались выполнять наши приказы. В ходе последующего расследования, они не смогли дать внятных объяснений своим действиям.

– Малодушные безвольные трусы! – неожиданно выпалил Зуб.

– Давай лучше послушаем их заключение, а не твои комментарии, – раздражённо бросил Бадай, недовольный тем, что Зуб перебил его. – Твоё мнение мне сейчас менее всего интересно! Слушай дальше! – с этими словами Бадай вновь обратился к папке. – Покровский В. Д. через некоторое время был арестован. При аресте ни сопротивления, ни воздействия на сознание сотрудников не оказал. На допросах Покровский отрицал, что он каким-либо образом воздействовал на сознание контролёров-отказников, объясняя их поступок исключительно проснувшейся гражданской совестью. Специальные допросы и глубокое медицинское обследование результатов не дали. Действия контролёров были списаны на их трусость, изучение Покровского В. Д. был прекращено и он был переведён в поселение.

– Я же сказал, трусы. – Пробурчал Зуб, на что Бадай только недовольно качнул головой, продолжая чтение:

– В поселении, куда был определён Покровский В. Д., произошёл акт неповиновения. В момент ликвидации бунта Покровский В. Д. вновь воздействовал на психику людей, и вывел из нашего подчинения целый гарнизон.

– Во, сука! – не сдержался Зуб.

– Как ты думаешь, что будет, если он очнётся? – взглянув на Зуба, проговорил Бадай. Ничего не ответив, Зуб схватил телефонную трубку и рявкнул в неё:

– Убрать срочно всех людей от управления на расстояние пятьсот, отставить, тысяча метров! Я сказал всех! Идиоты! Выставить оцепление. Связь через седьмой пост. Об исполнении доложить через пятнадцать минут.

Зуб положил трубку и посмотрел на Бадаю:

– Ну, а мы как поступим?

– Я понимаю, что мы влипли, – стараясь быть спокойным, проговорил Бадай, – Однако, сейчас остаётся только одно, ты будешь слушать, а я читать, чтобы узнать в этих чёртовых бумагах, что же нам делать с этим, как его, Покровским.

– Слушай, Бадай, а почему он с нами раньше ничего не сделал?

– Зуб, куда ты гонишь?! Я читаю, ты слушаешь! Помнишь, что было сказано в приказе? По прибытии объект подвергнуть полной изоляции, жизнь объекта опасности не подвергать, следовать согласно инструкциям. Что это значит? А значит это одно, все, что нам надо знать, здесь, в этих бумагах! Короче, я читаю, ты слушаешь.

Сказав это, Бадай встал и, подойдя к окну, продолжил чтение бумаг.

– Так, ну здесь идёт описание ещё двух его проделок и обоснование того, почему этого урода не грохнули.

– Ну и почему? – спросил Зуб.

– А потому, – выискивая глазами цитату, проговорил Бадай, – Изучение феномена Покровского, может стать крайне полезным в деле борьбы с врагами Республики.

– Ладно, ты ищи то место, где даны конкретные инструкции, что нам делать с этим выродком. – Поторопил Бадаю Зуб.

– Как скажешь. – Бадай стал листать страницы, бегло просматривая текст. – Так, так, о! Вот! Вот это то, что надо!

В этот момент прозвучал сигнал вызова по переносной рации и Зуб, взяв микрофон, ответил:

– Первый слушает!

– Гражданин старший контролёр, – прохрипела помехами рация. – Территория очищена, оцепление поставлено.

– Вы когда уходили, тот, в дерьмовозе, был без сознания?

– Так точно, гражданин...

Зуб, не дав договорить, отключил рацию.

– Что там дальше? – обратился он к Бадаю, который, судя по всему, закончил чтение.

– Далее много интересного, – растягивая слова, проговорил Бадай, садясь за стол.

– Вот смотри, что написано в разделе рекомендованные методы работы с объектом. Следствием было установлено, что объект оказывает воздействие только при зрительном или голо-совом контакте с воздействуемым. Если нет возможности применить рекомендации пункта два, то необходимо лишить объект возможности говорить и видеть. А вот и пункт два. – На этих словах Бадай вновь встал. – При инъекциях транквилизаторами, схема и методики прилагаются, объект утрачивает способности контроля над чужим сознанием на весь период действия медикаментов! Напоминаем, что инъекции необходимо делать не реже одного раза в течение семидесяти двух часов, то есть, трёх суток. Третье. Важным симптомом того, что объект готов оказать воздействие на чужое сознание, являются появляющиеся у него продолжительные головные боли. Четвёртое. – Бадай достал из стола графин с водой и отхлебнул из горлышка. – Способности объекта резко обостряются при стрессовых ситуациях. К ним можно отнести любые меры устрашения: казни, пытки, угроза жизни объекта. При работе с объектом, использовать подобные методы нежелательно. Пятое. Самая слабая черта объекта – честность. Он фанатично исполняет данное обещание. Не сдержать слово его могут заставить только крайние обстоятельства, не зависящие от объекта. И, наконец, пункт шестой. У объекта патологически развито чувство неприятия насильственной смерти. Он готов пойти на любые крайние меры, лишь бы предотвратить чью-либо смерть. Для более успешного контакта с объектом, этот пункт желательно использовать наиболее активно. И помните, что после инъекции транквилизатором, объект превращается в абсолютно безобидное, крайне управляемое существо!

Бадай прервал чтение и, посмотрев на Зуба, спросил:

– Ну как, любопытный типчик?

– Да уж, куда как любопытный. – Надевая сапоги, ответил Зуб.

– Кстати, Зуб, здесь стоит примечание, что новую инъекцию ему необходимо сделать в день получения пакета, восьмого числа.

– Но сегодня же только седьмое. – Удивился Зуб. – Получается, что или пакет раньше доставили, или в бумагах путаница. Если путаница...

– То сегодня истекает срок действия препарата! – закончил мысль Бадай. – Короче, надо немедленно делать инъекцию!

Услышав это, Зуб тут же включил рацию:

– Седьмой, ответь первому.

– Седьмой слушает, гражданин старший контролёр, – прохрипела рация.

– Слушай приказ. Подготовить врача со всем необходимым для уколов. При себе врач должен иметь транквилизаторы. . .

– Транквилизаторы, – поправил Зуба Бадай.

– Что? А! Да один чёрт, – отозвался Зуб, и продолжил в рацию. – Итак, при себе иметь транквилизаторы. Далее, подготовьте десять семей поселенцев с детьми. Всех, и врача и детей, держите наготове до специального распоряжения. Понятно?

– Так точно! – булькнула рация

Зуб, щёлкнув тумблером, отключил рацию и посмотрел на Бадаю.

– Вижу, у тебя какая-то идея родилась? – спросил Бадай, намекая на семьи с детьми.

– Да есть одна мысль. – Зуб изобразил пальцами пистолет и хитро подмигнул Бадаю. –
Метод устрашения и уступок.

Что ж, ты специалист, тебе и карты в руки, – прекрасно понимая, что задумал Зуб, сказал Бадай, доставая из папки ещё один лист. И уже строгим официальным голосом продолжил –
Слушай приказ! Объект передаётся в полное распоряжение командования Городом. В течение десяти дней подготовить площадку для развёртывания специальной лаборатории с приданными специалистами. Используя силы и средства, выяснить природу феномена и разработать методики его использования для блага Свободной Республики. Операции присваивается гриф «совершенно секретно». Все лица, на ком будет замечено воздействие объекта, подлежат ликвидации! Руководителями операции назначить младшего наставника Бадаю и старшего контролёра Зуба. Председатель Особого Совета Наставников Чижов.

– Короче, они там с ним мучились, мучились, и не хрена не узнали, а теперь нате, берите его, быстренько во всём разберитесь, и научите этому других! Так получается? – начал возмущаться Зуб. – А этот пидор, тем временем, нам будет мозги прочищать!

– Старший контролёр, возьмите себя в руки! – одёрнул Зуба Бадай.

– Слушаюсь, гражданин младший наставник, – уже спокойно, с лёгким налётом раздражения проговорил Зуб.

– Обучение, это перспектива, – убирая бумаги в сейф, начал Бадай, – а у нас есть дела срочные и неотложные. Сейчас я возьму тебя на мушку, а ты пойдешь к машине, и проверишь, как он себя чувствует. Если он без сознания, то вызываем врача и спокойно делаем укол. Если он в сознании, то ты должен вырубить его хлыстом. Если ты этого сделать не успеешь, или поведёшь себя неадекватно, я тебя застрелю.

После этих слов он достал из сейфа пистолет, передёрнул затвор и, заправив его сзади за поясной ремень, встал у двери. Зуб, встав со стула, подошёл к сейфу, достал из него бутылку с мутноватой жидкостью. Основательно к ней приложившись, он состроил гримасу и, сдерживая рвотные позывы, с трудом выдыхая воздух, проговорил:

– Всё, давай, пошли. Чему быть, того не миновать.

Они вышли на улицу. Бадай встал на крыльце, выбирая удобную позицию для стрельбы, а Зуб спустился на пыльную землю. После относительной прохлады кабинета, ему показалось, что он шагнул в пекло. «А может это так и есть? – подумал Зуб. – Сейчас тот шизик меня обработает, а этот с удовольствием выпустит мне пулю в спину».

Зуб, в полной тишине, нарушаемой лишь хрустом песка под его сапогами, начал приближаться к машине. Электрошоковый хлыст, предательски проскальзывающий в потной руке, казался сомнительной защитой. Зуб вдруг поймал себя на мысли, что ничего более ужасного в своей жизни, чем стоящий на пустой, выжигаемой солнцем пыльной площади автомобиль, он не видел. «Что такое ящик Пандоры, по сравнению с этим фургоном?! – подумал Зуб. – Шкатулка с девичьими безделушками, детский лепет».

От крыльца до автомобиля было порядка пяти метров, но это расстояние казалось бездной. Когда до фургона остались не более трёх шагов, Зуб просто физически ощутил, как чьи-

то пальцы-щупальца залезли к нему в мозг и стали там копать, как в грязном белье – брезгливо и неряшливо. Хотелось верить, что это только наваждение, но он неожиданно для себя сбил шаг и остановился. Пот уже не градом струился, а обрушивался водопадом, пропитав всю одежду, вплоть до исподнего.

– Зуб, почему остановился? – как выстрел, хлестнул над площадью голос Бадая, который всё это время наблюдал за Зубом сквозь прорезь прицела, лишь изредка смахивая капельки пота с ресниц.

Страх перед неизвестностью, прицел за спиной, голос Бадая, всё это смешалось в такой клубок, что Зубу хотелось просто, как ребёнку, рвануть во всю прыть с площади, куда глаза глядят. Но страх перед смертью оказался сильнее всех страхов и Зуб, стараясь быть как можно спокойнее, каким-то надтреснутым голосом произнёс:

– Да так, с силами собираюсь. Под прицелом не очень-то приятно стоять. Да и пейзажем люблюсь.

– Зуб, кончай забор городить! Пора заканчивать эту мутатень! – прокричал Бадай.

Зуб, не чувствуя ног, тела, ничего не чувствуя и как бы наблюдая себя со стороны, одиноко стоящего на залитой солнцем площади, пошёл к машине.

Осталось два шага. Стали трястись руки, перехватило дыхание, перед глазами появились какие-то круги, тут же превратившиеся в сплошную пелену.

Остался один шаг. Вместо крови по венам побежал концентрированный страх. Зуб просто физически чувствовал ствол пистолета, упёршийся воронёной сталью ему в затылок. Любой неверный шаг и кусок металла разнесёт в клочья череп и мозг, пропитанный идеальным ужасом.

Пока Зуб прислушивался к своим переживаниям, он оказался вплотную перед дверцей фургона. Непослушными руками он взялся за ручку, открыл дверцу и заглянул внутрь фургона. Покровский лежал без движения с закрытыми глазами. Сдерживаясь из последних сил, чтобы не потерять сознание от происходящего, от какофонии мыслей и перенапряжения мозга, Зуб осмотрел Покровского, прислонив, на всякий случай, электрошоковый хлыст к его шее.

– Он без сознания! – крикнул Зуб Бадаю. – Давай врача!

Сказав это, Зуб сел на край разогретого фургона, оставив хлыст прислонённым к ноге Покровского. Не без труда, трясущимися руками он достал из кармана сигареты и закурил.

Пока Бадай связывался с врачом, Зуб решил разобраться с тем мимолётным, но отчётливым ощущением того, что кто-то копался в его мозгу. «Может быть, это был всего лишь страх, и не более того, – подумал Зуб, – но слишком явным было это ощущение. Получается, что он может воздействовать и в бессознательном состоянии?! В досе об этом ничего не сказано. Значит, либо это ранее никак не проявлялось, либо это мой бред. В любом случае, Бадаю об этом лучше не говорить. В порыве служебного рвения он меня просто грохнет и дело с концом. Сам разберусь. И не такое дерьмо разгребал. О, чёрт! Где же врач?! Когда же это закончится?! Только бы ничем себя не выдать».

Чрез минуту, которая в этом разогретом солнцем воздухе тянулась бесконечно, на площади показался врач. Чем ближе он подходил к машине, тем более неуверенными становились его шаги.

– Бегом, лепила, бегом! – со стальной Злостью в голосе крикнул Зуб.

Доктор подбежал к машине. По его глазам было видно, что он пытается осознать, что с ним, точнее, с его мозгом происходит. Пытается осознать и избавиться от этого ощущения.

«Значит всё-таки это не бред!» – подумал Зуб и, схватив врача за рукав, втолкнул его в фургон машины.

– А теперь, доктор, вколи этому любой транквилизатор и забудь всё, что сейчас было! – сказав это, Зуб тут же подумал, – Нет! Он разболтает об этом при первом удобном случае и тогда мне конец. Надо его кончать!

Врач, побледневший и перепуганный, достал из санитарной сумки приготовленный шприц, подошёл к лежащему, и с трудом сдерживая дрожь в руках, сделал ему инъекцию.

Через мгновение Зуб почувствовал, как ужас, цепко сжимавший его мозг в тисках с момента приближения к фургону, стал медленно ослабевать, ослабевать и, наконец, растворился без остатка. Похоже, что те же чувства испытал и доктор.

– Что это было, гражданин старший контролёр? – неожиданно спросил он.

– А что было? – медленно вылезая из фургона, переспросил Зуб, стараясь говорить как можно громче, чтобы слышал Бадай.

– Ну, этот страх, что ли, или...

Зуб не дал доктору договорить. Он схватил его за горло и резким рывком вышвырнул его из фургона.

– Бадай! Стреляй в него! Тот что-то с ним сделал! – что есть мочи проорал Зуб.

Бадай среагировал мгновенно. Сухой щелчок выстрела разорвал пыльную тишину над площадью и, ничего не понявший доктор, рухнул на землю с окровавленным лицом.

– Всё, гражданин младший наставник! – проговорил Зуб, направляясь к Бадаю. – Дело сделано. Можешь подходить и вызови охрану.

– Зуб стой, где стоишь! Не делай ни одного лишнего движения! Думаю, ты понимаешь, о чём я? – крикнул Бадай.

– В чём дело, Бадай?! Успокойся! Что с тобой?

– Зуб, слушай внимательно! Сейчас ты мне скажешь и, поверь мне, цена твоего ответа – твоя жизнь. Так вот, – облизывая пересохшие губы, начал чеканить слова Бадай, – ты мне скажешь очень и очень убедительно, почему он обработал только врача? Ты ведь тоже был рядом.

Над площадью вновь повисла тишина. Только возвышающийся над ней чёрно-зелёный флаг гнетуще хлопывал полотнищем на лёгком ветерке, играя тенью на лице убитого доктора.

Зуб почувствовал, как, не смотря на жару, могильный холод стал окутывать его тело. Собравшись, стараясь быть максимально спокойным, он начал говорить, удивившись своему голосу, зазвучавшему как будто со стороны:

– Да хер его знает, Бадай! Может, он его и не обработал, но мне что-то его глаза не понравились. Вот и вся история! Хочешь, верь, а хочешь... У меня другого объяснения нет!

И вновь тишина, жара, пыль и хлопки флага.

– Да, на тебя это похоже, – смахивая с лица пот, после небольшой паузы проговорил Бадай. – Только ты мог из-за глаз грохнуть дефицитнейшего врача. Считаю, я верю.

С этими словами, убирая пистолет в кобуру, Бадай сошёл с крыльца и подошёл к Зубу:

– А почему ты остановился, когда шёл к машине? Испугался? Испугался! – странная кривая улыбка появилась на лице Бадаю, – Ладно, не ссы, жить всем хочется.

II

– Да мне плевать, что ты санитар! – держа санитаря за грудки, орал Бадай, – Ты мне скажи, когда он очнётся?!

– Возможно часов через шесть, но я не знаю, я ведь только санитар, гражданин младший наставник. – Выпучив от ужаса глаза, мямлил санитар.

– Ладно. Свободен, пока. – Сказал Зуб, выдёргивая санитаря из рук Бадаю и выталкивая его за дверь, и обращаясь уже к Бадаю, – Пойду, прилягу. Устал что-то.

– Давай, я здесь побуду, – кивнул Бадай.

Он осматривал Власа, который лежал на полу со связанными руками и заклеенными пластырем глазами и ртом.

Зуб вышел из Управления и пошёл к себе на квартиру, в соседнее здание. Зайдя в комнату, в которой кроме кровати и шкафа ничего не было, он снял китель, отстегнул кобуру и, не разуваясь, лёг на кровать. Все его мысли были обращены к случившемуся. «Если такое воздействие он может делать неконтролируемо – это полбеда, а если он может этим управлять? В досье написано, что он честен. Как же, верь после этого бумагам! Этот тип не так прост. Какие ещё фокусы он может выкинуть? Куда это всё нас приведёт? Вот так задачка...» – с этими мыслями Зуб уснул.

– Гражданин старший контролёр! Гражданин старший контролёр! – услышал сквозь сон Зуб.

Он присел на край кровати и, смотря на дверь, спросил:

– Что стряслось? Говори.

Голос из-за двери ответил:

– Вас гражданин младший наставник просят придти, срочно.

Хорошо, сейчас буду! Что за спешка такая, – пробурчал Зуб, вставая с кровати и надевая китель.

Через пару минут он был в Управлении. В коридоре два контролёра вешали чёрное полотнище, с написанным на нём белой краской лозунгом: «Контролёр – это молоток в руках Наставника, вбивающего гвозди в гроб врага!» Рядом стоял Бадай и придиричиво смотрел на их работу. Зуб подошёл к Бадаю и, встав рядом, спросил:

– Твоя идея?

– Ну, так! – довольный собой кивнул Бадай.

– Ладно, говори, что за пожар?

– Он очнулся! – с довольным выражением лица, как будто разом закончилась смута, и наступило Великое Благоденствие, проговорил Бадай.

– Что-то рановато, санитар-то твой говорил...

– Да мало ли что он говорил!

– Ну что ж, значит пришла пора повеселиться, – заключил Зуб и тут же крикнул во всё горло – Дежурный! Приведите приготовленных людей! Взрослых поставьте перед окнами экзекуторской, а детей в экзекуторскую. Срочно! Итак, Бадай, действуем, как договорились?

– Зуб, ты же у нас спец. Тебе и карты в руки! Устрашение и пряник! Ну, за работу?

С этими словами они вошли в экзекуторскую.

Это была просторная комната, отдалённо напоминающая операционную, наверное, операционным столом в центре, на котором лицом кверху лежал Влас, с глазами и ртом заклеенными пластырем, с руками, выкрученными за спину и скованными под столом наручниками.

Так же в комнате было несколько стульев, шкаф с застеклёнными дверцами и эмалированный бак с водой.

Лишь только Бадай с Зубом вошли в комнату, как неожиданно Бадай взял инициативу в свои руки. Обычно он во время допросов оставался в тени и вступал лишь в момент развязки, но сейчас... Зуб, растерявшись лишь на мгновение, встал у стены и принялся наблюдать за происходящим.

Бадай подошёл к столу и развернул его так, чтобы Влас, когда ему откроют глаза, мог видеть окно и площадь, лежащую за ним, но не мог видеть тех, кто находится в комнате позади него. Привели детей. Восемнадцать человек, от 5 до 9 лет отроду. Испуганные, с влажными от страха и голода глазами, затасканной, не по росту одежде, они жались друг к другу как цыплята, потерявшие наседку. Когда детей поставили перед окном, они просто таки вперили взгляды в старшего контролёра и младшего наставника, абсолютно не обращая внимания на распятого на столе человека.

Зуб впервые, за многие сотни похожих процедур, ощутил себя в роли зрителя и с непонятным для себя восторгом наблюдал за манипуляциями Бадаё, время от времени, вытирая лицо и шею грязным платком.

Между тем подготовка закончилась, начиналось основное действие. Бадай подошёл к Власу и, осторожно сняв с него повязку, тут же отошёл вглубь комнаты, словно боясь подцепить какую-нибудь заразу.

– Доброе утро, Покровский, – вкрадчиво и проникновенно, как лечащий врач, сказал Бадай. – Точнее, добрый вечер. Или для тебя он не добрый? Ну-ну, не надо так глазками вращать, сам виноват! Ну, посуди, на посту не отметился, пытался скрыться. Что говоришь? Не пытался?! Ах, ты говорить не можешь! У нас ротик заткнут. Сейчас, сейчас. Потерпи. Дам я тебе возможность потрепаться. А сейчас растопырь-ка свои паршивые уши, благо они у тебя открыты, и слушай сюда внимательно! Видишь, Покровский, перед тобой дети? У них есть ещё шанс стать достойными людьми. Мы ещё можем отмыть их от дерьма их родителей, таких же подонков, как ты! Они же не виноваты, что родились от скотов! Ты, тварь, Покровский, наверное, думаешь, что я буду допытываться от тебя каких-то признаний под угрозой их смерти?! – Бадай быстро приблизился к Власу и начал говорить таким пронзительным шёпотом, что даже у Зуба похолодело внутри, – И ты, я уверен, внутренне готов к этому. Нет! Нет и нет! Всё будет иначе! В нашем Городе всё по-другому! Ты сам, слышишь, Покровский, ты сам попросишь меня, нет! будешь умолять меня, чтобы я озвучил свои требования! Потому что, даже не зная их, ты уже будешь согласен на всё!

После этих слов Бадай подошёл к окну и распахнул его. Неожиданно с улицы повеяло первыми всплесками вечерней прохлады. Стоявшие перед окнами серые фигуры людей, даже не шелохнулись, увидев в окне младшего наставника. Они напоминали засохшие деревья в каменистой пустыне, которые из последних сил вцепились корнями в умирающую землю, ожидая хоть капли спасительного дождя.

Бадай повернулся к Власу, достал пистолет и передёрнул затвор:

– Видишь, на площади стоят люди? Это родители вот этих самых детей. Сейчас, на их глазах, я начну убивать их родителей. По одному, с интервалом в одну минуту, а вы, – он посмотрел на детей, которые готовы были завывать от ужаса, – Должны умолять его пощадить ваших отцов и матерей. От этого человека зависит теперь их жизнь!

И в тот же момент Бадай навскидку выстрелил через окно в толпу людей. Одна из женщин, вскрикнув, упала. Люди, не понимая, что происходит, попытались покинуть определённые охраной места, но были стремительно остановлены предупредительными выстрелами со стороны охранников. Обступив убитую, они застыли в прежних позах, приготовившись к худшему.

В помещении всхлипывания детей перешли в монотонный рёв. Толкаясь, и перебивая друг друга, боясь подойти ближе, они всё же хватали Власа за ноги и, давясь слезами, кричали:

– Дядечка! Попроси! Попроси, дя-я-дечка-а!

Влас стал судорожно извиваться, издавая невнятные мычания.

– Всем молчать! – рявкнул Бадай, подходя к Власу.

Дети тут же, проглатывая всхлипывания и прикрывая лица побитыми цыпками ручками, присели, приученные к суровым наказаниям за неисполнения приказаний.

– Покровский, ведь ты хочешь попросить меня, чтобы я не стрелял? Так? – прошипел Власу в ухо Бадай.

Влас утвердительно закивал головой.

– И ты готов принять все мои требования, и умоляешь, чтобы я назвал их?! – проорал Бадай.

Влас кивал так, как будто через него пропустили электрический ток.

– Ну что ж, ты меня уговорил, – вновь миролюбиво, как закадычный друг, проговорил Бадай. – Начнём с малого. Ты сейчас дашь клятвенное обещание, что не будешь оказывать никакого воздействия на моё сознание и на сознание моего коллеги, который тоже находится здесь, в этой комнате.

Влас никак не прореагировал на слова Бадаю, казалось, что он впал в забытьё.

– Хорошо, минута пошла! – сказал Бадай, поворачиваясь к окну.

Влас тут же кивнул головой.

– Вот и славно. Я знал, что ты разумный человек. – Бадай вновь приблизился к Власу, – Сейчас я сниму с твоего рта пластырь, и ты чётко и уверенно скажешь, что не будешь копать в мозгах младшего наставника Бадаю и старшего контролёра Зуба. Ты ведь у нас честный и принципиальный. – После этих слов Бадай резко сорвал пластырь с губ Власа. – Говори, я жду.

Влас, с трудом открывая рот, проговорил:

– Обещаю. Да, я обещаю.

– Ну вот, пока всё. Детей и родителей в изолятор! – крикнул Бадай в окно.

– Высший класс! – выдохнул Зуб, подходя к окну и закуривая сигарету.

Всё это время, пока Бадай разыгрывал виртуозный спектакль, Зуб прислушивался к своим внутренним ощущениям. Но не почувствовав ничего противоестественного, успокоился. Значит, пока всё было в порядке.

Заручившись обещанием Власа, выглядя внешне спокойными, Бадай и Зуб встали перед Покровским. Так Влас увидел их обоих во второй раз, и опять он был беспомощен, беспомощен и незащищен.

– Ты, конечно, понимаешь, Покровский, – буравя глазами Власа, начал Зуб, – Мы могли потребовать от тебя сейчас многого, если не всего. Но это не наш метод, мы люди жёсткие, но разумные. И пользуемся мы таким методом крайне редко, в особых случаях. И ты наверняка отдаёшь себе отчёт, что ты и есть особый случай. – Зуб выкинул в окно окурки и, выдохнув остатки дыма, продолжил, – Я убеждён, что, обговаривая всё мирно, мы договоримся о многом. Я прав? – Влас молчал, – Ну так я прав, или нет?

– Правы, гражданин старший контролёр, – с трудом проговорил Влас, – Прошу вас, освободите мне руки, я их совсем не чувствую.

Зуб подошёл к столу, отстегнул наручники, а затем, взяв Власа за волосы, заставил его сесть.

– Ты нам лучше вот что расскажи, Покровский, – растягивая фамилию по слогам, начал основную часть допроса Зуб, – Как тебе удалось попасть в Город, да не просто в Город, а в Город с особым режимом, минуя КПП?

– Где конвой? Где ты скрывался ночью?! – вступая в допрос, резко выпалил Бадай.

Растирая затёкшие от наручников кисти рук, Влас начал рассказывать:

– Мы вчера утром, точнее, ближе к полудню, как я понимаю, часов-то у меня нет...

– Меньше слов, ближе к теме! – прервал Власа Зуб.

– Как только мы прибыли к КПП, – продолжил Влас, – один из конвоиров отбыл в Город, с пакетом для вас. Двое оставшихся стали бить меня, требуя дать обещание, что я самостоятельно прибуду в Управление Города. Они почему-то боялись входить в Город, ссылаясь на какой-то приказ о разделении зон ответственности, или что-то в этом роде. Контролёры-охранники на КПП в этот спор не вступали и наблюдали за всем со стороны. Я отказался давать обещание о том, что самостоятельно доберусь до Управления, потому что понимал, что могу быть убит. Я говорил им про приказ о ликвидации любого поселенца, перемещающегося по территории поселения без конвоя, но они и слушать не хотели. Вместо этого они вкололи мне какое-то лекарство. Я видел его в первый раз. После укола мне стало ужасно плохо, и я дал-таки им обещание. Потом я потерял сознание, а когда очнулся, никого рядом не было. Я лежал в каких-то развалинах, рядом валялись мои вещи, временный паспорт и записка с указанием маршрута движения.

– То есть, как никого? – перебил Власа Бадай, – и почему паспорт не был погашен? Ведь он же мог действовать ещё сутки? Так?

– Точно так, гражданин младший наставник. Никого рядом не было. И почему паспорт не погасили, я не знаю, – ответил Влас.

– Я так понимаю, что он обработал конвой. – Через плечо бросил Бадай Зубу.

– Нет, что вы, этого не было, – возразил Влас.

– Ну конечно, это они по доброте душевной тебе паспорт подарили и одного оставили. Молчишь? – Бадай посмотрел на Зуба, – Ты понял, что надо делать?

– Куда уж тут не понять, – проговорил Зуб и направился к выходу, – Пойду, отдам распоряжение по поводу конвоя.

– И про посыльного не забудь! – добавил вслед Бадай.

– Всё сделаем в лучшем виде! – уже из коридора донесся голос Зуба.

Через пару секунд в комнату вошёл часовой и встал у входа.

«Страхуется, сука», – подумал Бадай.

– Что с ними будет? – спросил Влас.

– С кем? – растерявшись от неожиданного вопроса, переспросил Бадай.

– С конвоем. Что с ним будет? – вновь задал вопрос Влас.

Бадай молча подошёл к Власу и неожиданно, точно и хлётко, ударил его кулаком в лицо. У Власа из носа брызнула кровь. Он попытался зажать нос руками, но Бадай перехватил его руки и, смотря ему в глаза, сказал:

– Слушай внимательно, Покровский. Предупреждаю тебя в последний раз! Говорить будешь только тогда, когда я тебе разрешу. Понял?! Не слышу!

– Да.

– Что, да?

– Так точно, гражданин младший наставник, понял.

– Вот и хорошо. Продолжай в том же духе.

Бадай отошёл от Власа, достал сигареты и, закурив, встал возле открытого окна.

«Серая пыль, серые дома, серое небо и серые жалкие людишки. Почему они так безропотно покорились нам? Когда мы брали власть, мы ждали борьбы, жестоких сражений, а что получилось? Из-за них всё пошло насмарку, из-за них эта серость... Или это мы в чём-то ошиблись?!» – испугавшись собственных мыслей, стараясь как можно быстрее отогнать их прочь, Бадай обернулся и посмотрел на Власа. Влас, в равной одежде поселенца, свесив со стола ноги, сидел, уставившись в какую-то точку на полу. «И этот жалкий, никчемный никто, обладает

величайшими способностями, а мы должны заискивать перед ним, вместо того, чтобы раздавить его, как слизняка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.